251.

A 12 9/32

2

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ

и

БЕЗСМЕРТНАГО ПОДВИГА
СЛАВНАГО МУЖА
НИЖЕГОРОДСКАГО КУПЦА
КОЗЬМЫ МИНИНА.

Выбранное изъ Историческихъ
преданій
Николаемъ Ильинскимъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
При Губернскомъ Правленіи
1799 года.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Съ дозволенія

Санктпетербургской

цензуры

БИБЛИОТЕКА
Гос. ... Музея
№ 10594
26 VIII 1931 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Память праведнаго должна быть съ похвалами, да и съ похвалами вѣчными по словамъ Божественной премудрости. Но кто изъ нашихъ соотечественниковъ достоинъ сихъ похвалъ, какъ не Мининъ, избавившій дражайшее наше отечество отъ ига Польскаго и Шведскаго.

Въ семъ безсмертномъ подвигѣ, явилъ онъ себя истиннымъ сыномъ отечества, преисполненнымъ люб-

ви къ Богу и ближнему, и подалъ великій примѣръ къ подражанію.

Всякъ любящій свое отечество, надѣюсь что съ сердечнымъ удовольствіемъ вообразитъ сей подвигъ достойный предаваться памятію въ роды родовъ.

Для вперенія въ юношество любви къ отечеству не нужно заимствовать примѣры изъ исторіи народовъ чуждыхъ; довольно, буде родители и воспитатели, напечатлѣютъ въ сердцахъ юныхъ великое сіе дѣяніе, которымъ нетолько избавлена Россія отъ порабощенія; но и возведенъ на Са-

модержавный престолЪ ея родЪ РомановыхЪ, произведшій великихЪ и безсмертныхЪ по дѣяніямЪ ИМПЕРАТОРОВЪ, ПЕТРА ПЕРВАГО и ПАВЛА ПЕРВАГО, благополучно нынѣ владѣющаго и возносящаго Россію вЪ славѣ и силѣ, паче всѣхЪ земныхЪ царствЪ.

Да проститЪ меня отличный и трудолюбивый сочинитель дѣяній ПЕТРА ВЕЛИКАГО, что я выбралЪ точными словами изЪ собранныхЪ имЪ кЪ тѣмЪ дѣяніямЪ дополненій все сіе описаніе; кЪ сему меня влекла ни корысть, ни тщеславіе, ниже то, чтобЪ

присвоить себѣ труды чу-
жддыя, но единственно по
изъясненію благотворите-
льнаго писателя.

Почувствовать добра пріятство,

Такое есть души богатство,

Какого Крезъ не собиралъ.

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ НИЖЕГОРОДСКАГО КУПЦА КОЗЬМЫ МИНИНА.

Убіеніе въ городѣ Угличѣ въ 1591 году Царевича Димитрія Іоанновича, по повелѣнію Бориса Федоровича Годунова, кажется навлекло всѣ нещастія на Россію. Явленіе многихъ самозванцовъ одного за другимъ, бунты во всѣхъ почти краяхъ Россіи, безначаліе, и неповиновеніе довели на конецъ до того, что Поляками взята была Москва, первопрестоль-

ной градѣ, а Шведами, призванными для защиты отѣ нихѣ, взятѣ Новгородѣ и многія другія города сѣ областьми; на престолѣ же Россійскій избранѣ былѣ Польскій Королевичь Владиславѣ.

Желая хотя нѣсколько представить сѣ какимѣ варварствомѣ взяты были сіи два знаменитыя города, и изѣ того дать возможность, сдѣлать заключеніе о варварствѣ производимомѣ и во всѣхѣ прочихѣ, включу здѣсь точныя слова Г. Голикова, описавшаго сѣ безпристрастіемѣ сіи плачевныя для Россіи времена.

По взятіи Москвы вѣ Кремлѣ и вѣ Китаѣ всѣ жители были избиты, а вѣ Бѣломѣ городѣ только тѣ, кои оборонялись; и что изѣ убѣгшихѣ многіе укрѣпились вѣ Симоновѣ монастырѣ, а Поляки обратили вѣ пепелѣ всю Мо-

сиву, изключая слободЪ, бывшихЪ за рѣкою Яузою.

ПослѢ таковаго варварскаго истребленія нещастныхЪ жителей МосковскихЪ, вЪ числѢ коихЪ не щадимы были и самые младенцы, безчеловѢчные сіи забрали вЪ Кремль БоярЪ, ОкольничихЪ и ДворянЪ, и прочихЪ знатныхЪ чиновниковЪ сЪ ихЪ женами и дѢтми, изЪ коихЪ многихЪ отдали за крѢпкую стражу. ВЪ числѢ сихЪ знаменитыхЪ плѢнниковЪ находился и младый МихаилЪ Федоровичь РомановЪ сЪ Инокинею матерью его Марфою Ивановною.

НаконецЪ устремились жадные сіи злодѢи на расхищеніе оставшихся ЦарскихЪ древнихЪ сокровищЪ и посвященныхЪ Богу даяній, а Царскую казну „(слова „точныя стариннаго манускрип-„та) многое собранье изЪ давнихЪ

„лѣтъ прежнихъ великихъ Госу-
„дарей Царей Россійскихъ, ихъ
„Царскія утвари, шапки и короны
„и ихъ Царское всякое достояніе,
„и чудотворные образы, къ Жиги-
„монту королю (Польскому) ото-
„слали; а достальную Царскую
„казну, въ церквахъ Божіихъ, и
„въ монастыряхъ, и въ домѣхъ и
„въ лавкахъ, и въ погребахъ мно-
„гія неисчетныя богатства Мо-
„сковскихъ всякихъ людей погра-
„бя, по себѣ раздѣлили. Кто не
„восплачетъ и не возрыдаетъ?
„заключаетъ манускриптъ сей:
„превыше бо бысть сіе Вифлеем-
„ска плача, отъ беззаконнаго дѣ-
„тоубійцы Ирода; тамо бо мла-
„денцы токмо убійственными за-
„калахуся дланьми, здѣ же пре-
„старѣвшіеся и сѣдинами цвѣтя-
„щіи и въ возрастъ приходящіи
„юноши, и жены честнообразны,

,,и отроковицы нетлѣнны, и ,,младенцы безгрѣшны, вкупѣ отъ ,,Ляховъ и отъ Германскаго роду ,,раздроб[illegible] закалахуся, ры- ,,данїе же повсюду и плачь веле- ,,гласенъ на Аеръ восходитъ: и ,,горы убо супротивъ плачущихъ ,,возглашаху, бреги же волнами ,,супротивъ шумяху; и бысть громъ ,,по всему граду, всемертвенный, ,,и смертная врата по всюду зря- ,,хуся.

Обратимъ теперь воззрѣнїе на бѣдствїе Новагорода. Когда Новгородцы не могли выдержать осады отъ войскъ Шведскихъ, предводимыхъ Генераломъ ихъ Делагардїемъ, то принуждены были дать условїи, принять на престолъ Новгородской Шведскаго Королевича Каролуса Филиппа; коему по здачѣ города яко будущему своему Государю и присягнули, от-

правя въ Швецію пословъ съ прошеніемъ о принятіи сей короны.

Когда же симъ образомъ показалось, что въ Новѣгородѣ все утушилось и граждане полагаясь на учиненную присягу возмнили, что они внѣ уже всякой находятся опасности: тогда клятвопреступный сей Генералъ Шведскій вошелъ паки въ городъ, и скинувъ маску, взялъ подъ стражу Митрополита и Боярина Одоевскаго, и оказалъ себя лютымъ и жаднымъ тираномъ. Не было такого насилія и звѣрства, котораго бы онъ не употребилъ: онъ грабя весь городъ умертвилъ на правежѣ великое число гражданъ, вымучивая изъ нихъ признаніе о скрытыхъ имѣніяхъ. Самые храмы Божіи равную имѣли участь: грабили посвященные Богу сосуды и утвари, обдирали образа и раки свя-

тныхъ; въ числѣ сихъ было однихъ монастырей до семидесяти, а церквей болѣе полуторы тысячи; и однимъ словомъ, не было церкви, дворянскаго и зажиточнаго дому въ городѣ и уѣздѣ, которой бы спасся отъ его ненасытной алчности. Самые даже колокола и мѣстныя свѣчи отправилъ онъ вмѣстѣ съ пушками и прочими ограбленными имъ безчисленными сокровищами въ Швецїю, и къ святотатству присоединилъ тиранъ сей ругательство святыни, превратя многїя церкви въ конюшни.

Сочинитель ядра Россїйской Исторїи, описавъ всѣ лютости, показанныя надъ симъ нещастнымъ городомъ, говоритъ, что хотя сей городъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича и Царя сего же имени и былъ жестоко наказанъ,

по никогда однакожъ не чувствовалъ такой раны. (*)

Въ толь всеобщемъ Россіи раззореніи отъ Поляковъ, Шведовъ и отъ собственныхъ своихъ измѣнниковъ, каковаго ни когда не бывало и отъ самыхъ Татаръ, достопамятные мужи Троицкія Сергіевы Лавры Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій Палицынъ, оказали себя къ чести Россійска-

(*) Помянутой же писатель говоритъ что сей Делагардій, бывъ до сего весьма небогатымъ человѣкомъ, на сіи ограбленныя имъ имѣнія выстроилъ въ Стокголмѣ превеликія палаты и покрылъ оныя мѣдью, и недалеко отъ Стокголма пребогатой замокъ, названной по его имени Якобсдаль, и фамилія его сдѣлалась изъ первыхъ богачей въ государствѣ.

го духовенства истинными сынами отечества: они съ совѣту братіи своей, бояръ, дворянъ и дьяковъ, убѣгшихъ отъ мучительства Поляковъ, подъ защищеніе обители ихъ, и по прозьбѣ Князя Дмитрія Тимофѣевича Трубецкаго, писали грамоты во всѣ города, возбуждая оными унывшіе духи Россіянъ и умоляя ихъ о поданіи помощи Москвѣ въ отнятіи ее у общихъ Россіи враговъ. Ревность сихъ сыновъ отечества простерлась далѣе: они для сбору военныхъ людей отправили изъ монастыря въ Ярославль и во всѣ приморскіе города боярина Князя Андрея Петровича Куракина, да Дьяка Михайла Данилова, такъ же въ Володимеръ и во всѣ понизовые города, Стольника Василья Ивановича Бутурлина и Дьяка же Василья Сиднова. Сильное и умили-

тельное выраженїе помянутыхъ почтенныхъ начальниковъ святыя обители великое имѣло дѣйствїе надъ унывшими духами Россїянъ. *Крѣпцѣ яшася*, говоритъ лѣтопись, *за се писанїе*. Но при всемъ томъ не сыскался однакоже такой мужъ, который бы осмѣлился подняться на овладѣвшихъ почти всею Россїею Поляковъ, жестокихъ враговъ своихъ, которые какъ алчные волки стремились на ея растерзанїе.

Уже Король Польскїй собиралъ новыя силы, дабы дать ей послѣднїй смертоносный ударъ, а тѣмъ же угрожалъ ей и Король Шведскїй; уже измѣнники отечества единомышленники врагамъ онаго, готовились на развалинахъ его основать мнимое свое щастїе; уже со всѣхъ сторонъ неслись смертоносныя на нее пораженїя; уже ка-

залось всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отечества погибель ея неизбѣжима; уже всѣ столпы онаго, бояре ничего къ спасенїю ея предпрїять не дерзали, не находя никакихъ къ тому средствъ. Въ сїе то ужасное время, предпрїемлетъ одинъ человѣкъ великое намѣренїе, противустать всѣмъ силамъ враговъ Россїи и не допустить низринуться ей въ бездну погибели. Ктожъ былъ человѣкъ сей? не подумаетъ ли каждой, что ему должно быть какому нибудь изъ первѣйшихъ родовъ Россїйскихъ, какому нибудь Россїйскому Вазѣ *) собирающему тайно силы, съ ко-

*) Густавъ Ваза Король Шведскїй, возставившїй отечество свое почти изъ пепла въ прежнюю его великость.

торыми бы выступить нечаянно противЪ сильныхЪ непріятелей? но совсЂмЪ противное сему открывается: сей человЂкЪ ни кто иной, какЪ купецЪ Нижегородскій, купецЪ незнатный, и промыслЪ свой имЂвшій отЪ мясова торгу, именемЪ *Козьма Мининъ*, а прозваніемЪ *Сухорукой*. НамЂреніе дерзновенное и по видимому безумное, но сила Божія (по словамЪ Апостола) является вЪ немощи, буяя міра и не сущая избираетЪ БогЪ орудіемЪ своимЪ, да яснЂе узнают̃Ъ его Божеское вЪ устроеніи царствЪ управленіе. Сей ничего почти незначившій, но безпредЂльною любовію кЪ отечеству пламенЂющій человЂкЪ, имЂлЪ отЪ природы разумЪ твердый и тонкій; онЪ непрестанно размышляя о нещастіяхЪ отечества своего, заключилЪ, что кЪ спасе-

нїю его потребенъ одинъ только человѣкъ, но такой, къ которому бы народъ имѣлъ довѣренность, которой бы извѣстенъ былъ по опытамъ, что онъ храбръ, честенъ, и пользу отечества предпочитающїй всему въ свѣтѣ. Онъ сыскивалъ долго таковаго мужа въ мысляхъ своихъ, разбиралъ и сравнивалъ всѣхъ бояръ и вельможъ, кто бы былъ изъ нихъ достойнѣе всѣхъ, и наконецъ предпочелъ онъ предъ всѣми Стольника Князя Дмитрїя Михайловича Пожарскаго, которой и прежде оказалъ великїя опыты любви своея къ отечеству, твердости и храбрости въ защищенїи его. Онъ вѣдалъ, что сей великїй человѣкъ въ деревнѣ своей, разстоящей отъ Нижняго Новагорода въ 120 верстахъ, лѣчился отъ ранъ, полученныхъ имъ въ защищенїи Москвы отъ Поляковъ;

вѣдалъ, что онъ не отречется пожертвовать отечеству тою жизнїю, которую уже онъ толикократно приносилъ въ жертву оному, и утвердяся на семъ, здѣлавъ всему планъ, полетѣлъ къ нему въ деревню одинъ, дабы то дѣло было отъ всѣхъ сокрыто до времени.

Князь сей, выслушавъ его, нашелъ въ немъ человѣка колико усерднаго къ отечеству, толико и умнаго; одобрилъ планъ его и вступилъ въ оной съ радостїю. И такъ утвердяся и опредѣля съ нимъ какъ чему быть, отпустилъ его.

Г. Mининъ за свое поведенїе, добродѣтели, честность и разумъ, былъ любимъ и почитаемъ всѣми своими согражданами. Онъ уже нѣкїимъ образомъ давно расположилъ ихъ къ намѣренному имъ; онъ часто въ совѣтахъ купечес-

нихЪ говаривалЪ имЪ о нещастіи отечества своего, о безчеловѣчіи и несправедливости ПоляковЪ, о злонамѣреніи ихЪ вЪ завладѣніи онымЪ и истребленіи православныя вѣры, и проч. ВЪ сіе то самое время подоспѣла увѣщательная предѣупомянутыхЪ Архимандрита и Келаря грамота, приведшая вЪ умиленіе гражданЪ; и сей то самый жарЪ ихЪ употребилЪ онЪ вЪ пользу. ОнЪ по возвращеніи своемЪ отЪ Князя собираетЪ гражданЪ на площадь и говоритЪ имЪ, что любезное отечество и православная вѣра ихЪ стоитЪ уже на краю погибели и разрушенія своего. СказавЪ сіе проливаетЪ обильные ручьи слезЪ, и приводитЪ всѣхЪ вЪ равныя своимЪ чувства, и симЪ образомЪ приготовя ихЪ восклицаетЪ: „ВидимЪ, любезные „сограждане! видимЪ теперь ко-

,,нечное уже раззоренїе Рускаго го-
,,сударства, а помощи и очище-
,,нїя ему ни откуда не чаемъ; и
,,буде отечество ваше и право-
,,славная вѣра люба вамъ, то упо-
,,требимъ на жалованье ратнымъ
,,людемъ все наше имѣнїе, и буде
,,не достанетъ, продадимъ домы
,,наши; заложимъ женъ и дѣтей
,,нашихъ; примѣръ нашъ конечно
,,возбудитъ къ подражанїю и дру-
,,гїе города, и самъ Богъ благосло-
,,витъ усердное начинанїе наше.
,,Ежели же мы помремъ, защищая
,,отечество, то праведный мздо-
,,воздаятель Господь вѣнцами му-
,,ченическими наградитъ насъ. И
,,тако расположася поищемъ та-
,,коваго полководца, которой бы
,,войско собравъ и устроивъ по
,,обычаю, пошолъ съ нимъ прямо
,,подъ Москву.,, Сими и подобны-
ми словами толико тронулъ онъ

расположенныя уже въ тому сердца согражданъ, что всѣ единодушно похваливъ его намѣреніе, воскликнули, что они на все готовы. Сими минутами великій человѣкъ сей еще болѣе умѣлъ воспользоваться: Сносите же, сказалъ онъ, имѣніе ваше, а я покажу вамъ къ тому примѣръ. И такъ принесъ онъ все, что ни имѣлъ, въ общую казну, а на него смотря, снесли и граждане большую часть имѣнія своего; потомъ приступили къ выбору, когобъ избрать предводителемъ, и по общему совѣту, безъ сомнѣнія имъ же Мининымъ внушенному, положили просить, чтобъ вступилъ въ сіе помянутый Князь Дмитрій Михайловичь Пожарской. Тотъ же часъ послали къ нему отъ имени всего града Печерскаго Архимандрита Феодосія и луч-

шихъ изъ гражданъ, которые прiѣхавъ молили его, чтобъ онъ вступился за отечество и за вѣру православную, и принялъ бы на себя трудъ, предводить войсками для очищенiя Московскаго государства отъ Поляковъ и злодѣевъ. Князь сей, сего уже ожидавшiй, изъявивъ гражданамъ за толь усердное ихъ раденiе къ отечеству благодарность свою, охотно принялъ на себя просимое ими, но съ тѣмъ однакоже, чтобъ они выбрали отъ себя человѣка, кому быть съ нимъ у такого великаго дѣла, и казну сбирать, раздавать и беречь. Такъ у сего Князя положено уже было съ Козьмою Мининымъ, какъ то имянно свидѣтельствуетъ лѣтопись. Архимандритъ и другiе присланные отъ города на сiе последнее сказали, что у нихъ такого человѣка нѣтъ. Онъ же имъ

рѣче, говоритъ Лѣтопись: есть у васъ Козьма Мининъ, той бывалъ человѣкъ служилой, тому дѣло сїе дозаобычно. Нижегородцы вѣдая достоинство сего своего согражданина, наипаче обрадовались, и возблагодаря Князя, уѣхали; и коль скоро по прїѣздѣ своемъ донесли гражданамъ слова Княжїя, тотчасъ всѣ Нижегородцы просили г. Минина принять на себя сїю должность. Умной и добродѣтельной сей мужъ притворился, что сїе дѣло выше силъ его, и просилъ избрать кого другаго достойнѣе его; но тѣмъ самымъ паче понудилъ ихъ, убѣждать себя не отступною прозьбою, и по нѣкоемъ якобы сопротивленїи и отговоркѣ согласился на прозьбу ихъ; а дабы граждане, отдавъ свое имѣнїе, послѣ не раскаялись и всего того не разрушили; то и

употребилЪ онЪ сей жарЪ ихЪ кЪ тому, чтобЪ они дали ему общій приговорЪ, быть всѣмЪ имЪ ему послушнымЪ и покорнымЪ, и не препятствовать вЪ раздачѣ военнымЪ людямЪ вЪ жалованьѣ ихЪ имѣнія; ревность ихЪ на то время была такЪ велика, что они тогоже часу сей требуемый договорЪ во всемЪ по его волѣ написавЪ, ему дали, вЪ коемЪ между прочимЪ стояли и сіи слова: не токмо что унихЪ имать животы, но жены и дѣти ихЪ продавати, а ратнымЪ людямЪ давати.

Г. МининЪ, исполнивЪ все, чего желалЪ, по осторожности своей, дабы по прошествіи жару ихЪ не отобрали унего приговору сего, тотЪ же часЪ послалЪ оной кЪ Князю Пожарскому (*).

(*) Преосвященнѣйшій МитрополитЪ

Между тѣмъ Князь сей и Мининъ собрали изъ Нижегородцовъ

Московскій Платонъ, Россійскій Златоустъ нашъ, въ одной изъ прекрасныхъ проповѣдей своихъ говоритъ о семъ тако:

„Въ такомъ бѣдственномъ состояніи любезнаго отечества на-„шего, когда вся къ лутчему на-„дежда казалась быть отъятою, „судъ Божій, восхотѣвшій наказуя „наказати насъ, но конечной смер-„ти не предати, оттуду благово-„лилъ открыть намъ ведро радо-„сти, откуда меньше всего можно „было надѣятися.

„Нижняго Новагорода не знат-„ный купецъ Козьма Мининъ, его „же память во благословеніи и „вѣчнымъ прославленіемъ почитае-„ма быти заслуживаетъ, Божіимъ „вдохновеніемъ возревновалъ, видя „общее отечества своего несча-

изъ посадскихъ людей, много ратныхъ людей и на содержанïе оныхъ,

---

,,стïе. Доколѣ, сказалъ онъ сотоварищамъ своимъ, доколѣ ослабльмъ духомъ взирать будемъ на сïе общее всѣхъ злоключенïе? Доколѣ не употребимъ всѣ силы наши къ поданïю помощи страждущему отечеству, или умремъ славною смертïю яко мученики? Ежели на сïе общеполезное дѣло потребно каковое иждивенïе, истощимъ на то все имѣнïе наше; или естьли доставать не будетъ, заложимъ женъ и дѣтей. О гласъ достойной сына отечества! о честь души по истиннѣ мужественныя!

,,Къ сему благому совѣту пристали другïе. И сïя славная дружина прозьбою своею склонили почтеннѣйшаго и избраннѣйшаго мужа Князя Пожарскаго, ему же

сверхъ снесеннаго уже имѣнїя ихъ, положили Нижегородцы съ себя брать пятую деньгу со всѣхъ промысловъ ихъ, и сей не большой корпусъ былъ первый учрежденный Княземъ Пожарскимъ на избавленїе Россїи. Коль скоро слухъ о семъ предпрїятїи и собранїи разнесся по всюду, то всѣ почти города возревновали имѣть участїе въ ономъ: Смольяне поселившїеся въ Арзамасѣ, Дорогобужане и Вязмичи, прислали первые съ прозьбою о принятїи ихъ въ свое соединенїе. Въ городахъ же, слышавъ въ Нижнемъ собранїе, говоритъ лѣтопись, ради бѣша, и

„да будетъ память вѣчная, чтобъ „принялъ предводительство надъ „всѣми тѣми, кои возусердствуютъ итти на помощь пораженному отечеству и проч„.

послаша къ нему (къ Князю) на совѣтъ и многую казну къ нему посылахy и свезоша изъ городовъ многую казну. Къ таковому соединенію весьма много способствовало вышеупомянутое увѣщаніе Архимандрита Діонисія и Келаря Аврамія.

Князь Дмитрій Михайловичь, предъ симъ не задолго прибывшій въ Нижней, принятъ отъ всего народа съ неописанною радостію. Военные люди, разсыпанные по всюду, слышавъ, что Князь сей, коего добродѣтели вездѣ славились, принялъ начальство надъ собирающимися къ нему воинами, начали отъ всюду къ нему спѣкаться. Коломничи и Рязанцы, а за ними изъ многихъ Украинскихъ городовъ козаки и стрѣльцы пришли къ нему. Князь принималъ всѣхъ приходящихъ подъ его знамена съ привлекательною пріятностію и ласковостію; но ко особ-

ливой чести сего великаго чело-
вѣка сказать должно, что какія
онъ ни дѣлалъ учрежденія и раз-
порядки, то все дѣлалъ и пред-
принималъ съ совѣту Козьмы Ми-
нина, почитая въ немъ виновни-
ка всему предпріятію тому, и
другихъ чиновниковъ, съѣхавших-
ся къ нему по времени, изъ ко-
ихъ извѣстны были Князь Дми-
трій Мамстрюковичь Черкаской,
Князь Дмитрій Петровичь По-
жарской же, по прозванію Лопата,
братъ предводителевъ; Князь
Иванъ Андрѣевичь Хованской,
Князь Семенъ Васильевичь Про-
зоровской, Петръ Ивановичь Ман-
суровъ-Плещеевъ, Михайло Самсо-
новичь Дмитріевъ, Федоръ Лева-
шовъ, Князь Гагаринъ, Григорей
Образцовъ, Дьякъ Семенъ Сам-
псоновъ, Барай Мурза Алѣевичь
Кутумовъ; и многіе изъ Москов-

скихъ полковъ Дворяне и дѣти Боярскія, и до 17 человѣкъ казацкихъ атамановъ и старшинъ.

И такъ Князь сей, съ совѣту Козьмы Минина, учредилъ распорядокъ въ жалованьѣ всѣмъ приходящимъ подъ его знамена, а потомъ съ его же совѣту послалъ грамоты свои по всѣмъ городамъ, въ коихъ описавъ предпріятіи свои къ избавленію отечества отъ враговъ, приглашалъ всѣхъ въ соединеніе и просилъ въ общемъ семъ дѣлѣ о помощи денежной. Толь добродѣтельное намѣреніе великихъ сихъ мужей Минина и Пожарскаго съ самаго начала Господь Богъ видимымъ образомъ благословляти началъ. Богу же призрѣвшу (говоритъ лѣтопись) на ту рать и давшу между ими совѣтъ велій и любовь, такъ что

отнюдь мѣжЪ ими не бяше вражды никакія.

Между же прочимЪ послали они вЪ Казань Дворянина Ивана Биркина, и сЪ нимЪ нѣсколько духовныхЪ персонЪ, сЪ таковымЪ же Казанцамъ представленїемЪ. Но какЪ вЪ Казанѣ по убїенїи окольничаго Богдана Бѣльскаго начальствовалЪ бывшїй при немЪ ДьякЪ НиканорЪ ШульгинЪ, виновникЪ смерти его: то злодѣй сей, вѣдая, что когда безпокойства и нещастїя вЪ Россїи прекратится, не можно будетЪ ему удержаться вЪ начальствованїи Казанью, почему предпрїятїе Князя Пожарскаго и было ему весьма непрїятно, яко такое, которое можетЪ лишить его того начальства; чего ради бывЪ довольно хитрЪ, и умѣлЪ привести Биркина на подобныя своимЪ мысли. Товарищи

сего послѣдняго, подозрѣвая его въ умыслѣ съ Шульгинымъ, принуждены были, оставя его въ Казанѣ возвратиться ни съ чемъ; и Князь Дмитрій Михайловичь и Козма и всѣ ратные люди, говоритъ лѣтопись возложиша все упованіе на Бога, и помянувъ Іерусалимское плѣненіе, како по раззореніи Іерусалимскомъ собрашася послѣдніе Іудеи, и пришедъ подъ Іерусалимъ очистиша его: такожъ и Московскаго Государства послѣдніе люди собрався пойдоша противъ безбожныхъ Латынь и противъ своихъ измѣнниковъ.

Подмосковской начальникъ Заруцкой съ товарищи, слыша про такоежъ намѣреніе сего Князя Пожарскаго и войска его, и страшась отъ него въ злодѣйскихъ своихъ предпріятіяхъ препятствія, приняли намѣреніе не толь-

ко возпрепятствовать умноженію войска его, но и самаго его истребить. Пріидоша изъ Ярославля въ Нижней посланцы, повѣствуетъ Лѣтопись, что Заруцкой прислалъ многихъ козаковъ въ Ярославль, а и нынѣ идетъ Андрей Просовецкой съ ратью, и хотятъ захватить Ярославль и всѣ поморскіе городы, чтобъ недать совокупитися Нижегородской рати съ Ярославцы. Сіи безсовѣстные предатели отечества безпокоились не о томъ, что Россія бѣдствуетъ, но о томъ, что власть ихъ, когда усилится Князь Пожарскій, упраздниться. Князь Димитрій Михайловичь и Козьма, продолжаетъ Лѣтопись, слышавъ то, посла наскоро брата своего Князя Димитрія Петровича Лопату Пожарскаго, а съ нимъ Дьяка Семенку Самсонова съ ратны-

ми людьми, и повелѣ имъ итти на спѣхъ въ Ярославль. Сіи посланные исполнили съ ревностію повелѣнное; они приходомъ своимъ прибытіе Просовецкаго предупредили, козаковъ Заруцкаго захватили въ Ярославлѣ и отдали ихъ подъ стражу; а Просовецкой слыша то, не смѣлъ уже показаться въ Ярославль.

На конецъ Князь Дмитрій Михайловичь, тщетно ожидавшій Казанскія помощи, во имя Господне, со всѣми собравшимися къ нимъ людми изъ Нижняго Новагорода выступили къ Москвѣ, шествуя чрезъ города Болохну, Юрьевецъ Повольскій, Кинешму, Кострому, и во всѣхъ сихъ городахъ получая денежныя подмоги и изъ многихъ окрестныхъ странъ добровольно присоединяющихся къ нимъ людей, прибыли обще съ

Козьмою Мининымъ въ Ярославль, гдѣ въ разсужденіи Шведовъ оба они, говоритъ Лѣтопись, начаша думати со всею ратью и со властьми, и съ посадскими людьми, како бы Земскому дѣлу было прибыльнѣе, и вздумаша въ великій Новгородъ послати пословъ. И такъ отправили они къ Делагардію и къ Новгородцамъ Послами Степана Татищева, изъ всѣхъ чиновъ и городовъ по человѣку, и въ грамотѣ своей писали къ нимъ, чтобъ быти Московскому Государству и Новгородскому подъ однимъ Государемъ, и буде Король Свѣйской дастъ брата своего на Государство и окреститъ въ православную Христіанскую вѣру, тому будутъ они ради, и хотятъ съ Новгородцы въ одномъ быть совѣтѣ. Сіе же писаху и посылаху, заключаетъ Лѣтопись, для того,

какѣ пойдутѣ подѣ Москву на очищенїе Московскаго государства, то чтобѣ Шведы не пошли воевать вѣ поморскїе города.

Когда же Князь Дмитрїй Михайловичъ и г. Мининѣ были вѣ Ярославлѣ, собирая воинскихѣ людей и увѣщевая прочїя Россїйскїя города кѣ соединенїю сѣ ними, Князь Дмитрїй Тимофѣевичь Трубецкой, стоявшїй подѣ Москвою видя вѣ товарищѣ своемѣ Заруцкомѣ явное предательство и грабежи имѣ и казаками его производимые, а сѣ другой стороны слыша собирающуюся новую Польскую силу подѣ Москву, подѣ приводомѣ Гетмана ихѣ Хоткѣевича, прислалѣ вѣ Троицко-Сергїевѣ монастырь Дворянѣ Михайлу и Никиту Пушкиныхѣ сѣ прозьбою, чтобы отѣ обители писали кѣ Князю Пожарскому вѣ Ярославль о

немедлѣнномъ выѣздѣ его подъ Москву. Архимандритъ и Келарь по сей прозьбѣ тотъ же часъ отправили отъ себя двухъ соборныхъ старцовъ съ прошенїемъ къ тому Князю. Но Князь не могъ однакоже выѣхать такъ скоро, какъ самъ онъ желалъ, и какъ его просили. Архимандритъ и Келарь съ нетерпѣливостїю желавшїе скорѣйшаго его прибытїя, отправили паки къ нему двухъ же старцовъ съ сильнѣйшею первыя просбою о поспѣшенїи выѣздомъ его. Между тѣмъ, когда Король Польской усиливалъ армїю вышепомянутаго Гетмана Хоткѣевича (*), новымъ Польскимъ, Литовскимъ, Венгерскимъ и иныхъ земель наемнымъ

(*) Карлъ Хоткѣевичь полной Гетманъ Литовскихъ войскъ.

войскомъ, и сей полководецъ съ весьма сильною арміею въ Августѣ мѣсицѣ сего 1612 году пошолъ подъ Москву, оказывая по всюду знаки жестокости злаго непріятеля, бѣгущіе предъ нимъ Россіяне донесли вѣдомость о семъ подъ Москву и произвели въ войскѣ подъ Московномъ и въ начальникахъ онаго великой страхъ; въ слѣдствіе чего Князь Дмитрій Тимофѣевичь Трубецкой и Заруцкой прислали въ Ярославлъ наскоро нѣсколькихъ Дворянъ и козаковъ съ симъ о походѣ на нихъ Гетманскомъ извѣстіемъ, и съ прошеніемъ чтобъ онъ со всею силою своею не мѣшкая шолъ подъ Москву въ соединеніе къ нимъ.

Князь же Дмитрій Михайловичь, и Козьма (говоритъ лѣтопись давъ присланнымъ жалованье земское довольное, отпустиша

ихЪ назадЪ и сами начаша подниматься на скорЪ.

СтрахЪ сей понудилЪ тогда же часто упоминаемаго Келаря Аврамїя Палицына самаго отправится вЪ Ярославль, дабы побудить Князя кЪ скорѢйшему выѢзду. Хотя Князь сей исправясь уже до прїѢзда еще сего Келаря, отправилЪ всю артиллерїю и обозЪ подЪ Москву и самЪ готовЪ былЪ выттии со всѢмЪ войскомЪ, какЪ принужденЪ былЪ паки на краткое остановиться время. Причиною того было прибытїе отЪ НовгородцовЪ противЪ посланнаго кЪ нимЪ, какЪ выше упомянуто, Татищева; посланниковЪ Вяжицкаго монастыря Игумена Геннадїя и Князя Федора Оболенскаго, и изЪ всѢхЪ пятинЪ отЪ дворянЪ и посадскихЪ по человѢку сЪ отвѢтомЪ, что они согласны на все имЪ пред-

ложенное, то есть: чтобъ быти съ Москвою въ соединеньѣ, и имѣть одного Государя избраннаго ими королевича Шведскаго Филиппа. Князь Пожарской и Козьма Мининъ присланныхъ сихъ не мѣшкая отправили обратно, а съ нимъ посланъ Перфилъ Сѣкеринъ съ грамотами къ Митрополиту, боярину Одоевскому и къ Шведскому Генералу Делагардію, въ которыхъ писали. „Что буде Королевичь приметъ вѣру ихъ православную, то всѣ они будутъ ему ради. Сіе учинено для того чтобъ Шведы не помѣшали въ намѣреніи ихъ. А того у нихъ заключаетъ Лѣтопись, и въ думѣ не было чтобъ взять на Московское государство иноземца, а избрати бы на всероссійское государство изъ Московскихъ родовъ Государя.

На конецЪ Князь Дмитрій Михайловичь, принеся вся устрояющему по своей волѢ Господу молитвы свои и взявЪ благословеніе у Преосвященнаго Митрополита Ростовскаго Кирилла, пошелЪ со всѢмЪ остальнымЪ войскомЪ своимЪ подЪ Москву. СЪ первой станціи послалЪ повелѢнія свои и людей по городамЪ, чтобЪ всѢ военные люди поспѢшали вЪ соединеніе сЪ нимЪ, и поруча все войско Князю Ивану АндрѢевичу Хованскому и КозьмѢ Минину, отЪѢхавЪ вЪ Суздаль для моленія и можетЪ быть для исправленія какихЪ другихЪ не терпящихЪ медленія дѢлЪ, что исправя прибылЪ вЪ войско, вЪ РостовѢ уже тогда бывшее; и какЪ осторожность отЪ главнокомандующаго требовала наблюдать движенія ШведовЪ владѢвшихЪ Новгородскою областію,

то изЪ Ростова для сего послалЪ на БѢло озеро сЪ частїю войска Григорїя Образцова, повелѢвЪ ему, наблюдая все, увѢдомлять себя.

Заруцкой, не могши умысла своего вЪ убїйствѢ Князя произвести вЪ дѢйствїе, и поелику уже умыселЪ тотЪ оглашенЪ и здѢлался извѢстенЪ, такЪ же не успѢвши и вЪ разбитїи другаго Князя Пожарскаго, почелЪ за лучшее до приходу перваго сЪ армїею изЪ подЪ Москвы удалиться. Войско, бывшее подЪ Москвою толико противоборствомЪ его кЪ нему привязалось, что почти половина онаго пристала кЪ нему, и сЪ сею силою прибывЪ кЪ достойной его женѢ своей вЪ Коломну, ограбилЪ городЪ сей и сЪ сею Маринкою (5)

---

(5) Маринка была прежде самозванца

и злодѣйскимъ ея изчадїемъ пошолъ въ Рязанскїя области, которыя подобно же раззоривъ, сталъ въ городѣ Михайловѣ.

Оставшїеся въ войскѣ подъ Московномъ козаки, страшась за злодѣянїи свои Князя Пожарскаго, отправили къ нему въ Ростовъ, подъ видомъ желанїя скорѣйшаго прибытїя его подъ Москву Атамана по прозванїю Кручину съ нѣсколькими козаками, въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобъ узнать расположенїе его къ нимъ. Князь же Димитрїй и Козьма, говоритъ Лѣтопись, пожаловаша ихъ деньгами и сукнами, и отпустиша ихъ опять подъ Москву. Князь же Димитрїй и Козьма, продол-

Гришки отрепьева жена; а дочь Воеводы Сендомирскаго.

жаетъ та же Лѣтопись, со всѣмъ войскомъ прибылъ Августа 1 дня къ Троицкому Монастырю, и остановился на нѣкое время для того, чтобъ примѣченное между козаками бывшими въ войскѣ несогласіе совѣтами своими упразднить; но какъ получилъ извѣстіе, что Гетманъ Хоткѣевичь скоро прибудетъ въ Москву, то 18 Августа и пошолъ подъ оную, взявъ съ собою Келаря Авраміа Палицына. Приближеніе къ Москвѣ, имѣвшей въ себѣ не малую Польскую силу, Гетмана Польскаго съ сильною арміею, которую слухъ еще гораздо болѣе увеличивалъ; неизвѣстность успѣха, а паче мятежные и наглые козаки, отъ котораго ни какого не надѣялись добра, привело войско его въ страхъ, а суевѣріе еще умножило оной. Каждой почиталъ бывшій

тогда противной имъ вѣтеръ за худое предвѣщанїе. Благоразумный начальникъ старался страхъ сей истребить вѣрою; для чего по совѣту его Архимандритъ Троицкїй Дїонисїй, мужъ любовїю къ отечеству преисполненный, предшествовалъ войску со всѣмъ духовнымъ соборомъ, со святыми образами и крестомъ, и остановясь за четыре версты отъ монастыря на горѣ, проходящее войско благословлялъ святымъ крестомъ и кропилъ святою водою, укрѣпляя оное надеждою Божїей помощи; а какъ въ то самое время по щастїю перемѣнился вѣтеръ, и вмѣсто противнаго сталъ попутной, то объявлено имъ оное, что самъ Богъ благоволилъ изъявить имъ знаменїемъ симъ помощь свою и побѣду надъ непрїятелемъ. Вся же рать (говоритъ

Лѣтопись) позна милость Божію, и помощь великаго чудотворца Сергія, и отложиша страхъ всѣ ратные люди, и охрабрившись идяху къ Москвѣ радующеся, и обѣщавающеся вси померѣть за домъ пречистыя Богородицы и за православную Христіанскую вѣру. Не доѣзжая до Москвы начальствующій Князь послалъ знающихъ людей осмотрѣть мѣста, и избрать для лагеря выгоднѣйшее.

Князь Дмитрій Тимофѣевичь Трубецкой между тѣмъ многократно присылалъ приглашать ихъ стать въ его лагерѣ; а когда подъѣзжалъ къ Москвѣ съ войскомъ своимъ Князь Пожарской, то самъ начальствующій Подмосковными полками Князь Трубецкой выѣхалъ во сретеніе онаго, и просилъ прибывшаго Князя стать въ свой лагерь и тѣмъ бы соединить оба

войска во едино; но Князь Пожарской и всѣ подначальствуемые, даже и всѣ прибывшее съ нимъ войско отъ того отреклися. И такъ Князь Пожарской занялъ свой лагерь у Арбатскихъ воротъ, укрѣпя оной валомъ и рвомъ. Князь же Дмитрїй Тимофѣевичь Трубецкой и козаки, предаетъ Лѣтопись, начаша на Князь Дмитрїя Михайловича и на Козьму, и на ратныхъ людей не любовь держать за то, что къ нимъ въ таборы не пошли.

Когда же въ рѣшительномъ сраженїи при освобожденїи Москвы, войска Князя Трубецкаго не дѣлали помощи, то Князь Пожарской и Козьма Мининъ, Тройцкаго Келаря Аврамїя отправили въ лагерь Трубецкаго, дабы уготовить козаковъ возвратиться къ войску него, и совокупными силами на-

пасть на превосходнаго въ силахъ непрїятеля. Сей почтеннѣйшїй старецъ тотъ же часъ бѣжитъ въ лагерь тотъ, молитъ козаковъ со слезами, подать погибающему отечеству помощь, заклинаетъ ихъ имянемъ Божїимъ и святыми чудотворцами Сергїемъ и Никономъ, обѣщаетъ имъ за сїю помощь и вѣнцы мученическїя и всю казну монастырскую въ награжденїе. Послѣднее можетъ быть подѣйствовало надъ ними болѣе; словомъ, они всѣ поднялись на требуемую помощь, возглашая имя Сергїево, которое Келарь въ ясакъ имъ принять присовѣтовалъ: Коль же скоро Князь Пожарской о семъ былъ увѣдомленъ: то, какъ искусной полководецъ, поставилъ въ засадѣ по ямамъ и развалинамъ, по пути ведущемъ отъ окопа Гетманскаго въ Москву, лучшихъ сво-

ихъ воиновъ съ повелѣнїемъ, что естьли Гетманъ пойдетъ въ Москву, то нечаянно на него напасть; но честь окончанїя рѣшительныя побѣды сея Лѣтописи наши приписываютъ Козьмѣ Минину; ибо когда козаки Трубецкаго (6) присоединились къ войску Пожарскаго, и пошли на осаду Гетманскаго окопа, то сей великїй человѣкъ, усмотря за Москвою рѣкою нѣсколько Польскихъ знаменъ конныхъ и пѣшихъ, чаятельно намѣрившихся напасть съ тылу на войско Россїйское, просилъ Князя Пожарскаго дать ему часть войска. Князь Дмитрїй же

(6) Во всѣхъ Лѣтописяхъ нашихъ при сихъ дѣйствїяхъ козаковъ Трубецскаго не упоминается имени самаго сего Князя, то есть, чтобъ онъ самъ при нихъ находился.

ему глаголаше: емли, кого хощеши. Тогда взявъ онъ Ротмистра Хмѣлевскаго, и при отборныя Дворянскія роты, поскакалъ за рѣку Москву, и съ такою храбростію напалъ на тѣ увидѣнныя имъ Польскія войска, что сіи обратя хребетъ свой, съ великимъ страхомъ побѣжали къ стану Гетманскому, топча другъ друга. Князь Пожарской вышепомянутымъ въ засадѣ сидѣвшимъ далъ повелѣніе напасть на бѣгущихъ. Поражаемые бѣглецы съ одной стороны Козьмою Мининымъ, а съ другой сими изъ засады вышедшими Россіянами, произвели тѣмъ большій въ лагерѣ Гетманскомъ страхъ, что и воеводы въ тоже самое время со всѣмъ войскомъ вдругъ напали на оной, которой и взяли приступомъ. Великое число посѣчено тогда Поляковъ, Нѣмцовъ

и другихъ націй людей, бывшихъ въ службѣ Польской; получена въ добычу артиллерія и весь обозъ непріятельской; самъ же Гетманъ съ остальнымъ войскомъ принужденъ былъ отступить къ Донскому монастырю, а отъ онаго на Воробьевы горы, но и въ отступленіи семъ потерялъ еще великое число людей. Однакожъ Князь Пожарской остановилъ жаръ войска, хотѣвшаго далѣе преслѣдовать непріятеля, говоря что не бываетъ въ одинъ день двухъ радостей; а потомъ велѣлъ всему войску въ знакъ радости сей стрѣлять изъ ружей, изъ всѣхъ орудій, чрезъ цѣлые два часа. Таковой громъ такъ устрашилъ Гетмана, что онъ всю ночь стоявъ фрунтомъ на лошадяхъ, по утру, что было 25 Августа, побѣжалъ въ Польшу и въ преслѣдованіи за нимъ

побито, и въ плѣнъ захвачено многое же число. Уронъ непрїятельской былъ весьма великъ: однихъ взятыхъ въ плѣнъ было до десяти тысячь человѣкъ.

Сїя великая побѣда, продолжаемая три дни, начавшаяся 22 и оконченная 25 Августа, 1612 году была, такъ сказать, сѣменемъ всѣхъ потомъ жатвъ...

Да будетъ благословенна память двухъ особъ, не знатныхъ по званїю своему, но знамѣнитѣйшихъ по усердїю и ревности къ Отечеству, Келаря Аврамїя Палицына и купца Козьмы Минина, толикое участїе въ сей спасительной для Россїи побѣдѣ имѣвшихъ.

По взятїи и по очищенїи отъ Поляковъ Москвы, въ которой побито ихъ болѣе пятнатцати тысячь, да въ полонъ взято до десяти тысячь человѣкъ, которые

тогда и разосланы по дальнымъ городамъ, получено было извѣстїе, что Король Польской съ Гетманомъ своимъ Хоткѣевичемъ съ сильною армїею собирался подъ своимъ предводительствомъ отмстить разбитїе войскъ Польскихъ, уже вшедъ въ предѣлы Россїйскїя, занялъ городъ Вязму, но узнавъ отъ взятаго имъ въ плѣнъ Стольника Ивана Философова, что Москва имѣетъ сильное войско, что въ запасѣ и во всемъ обилїе, и всѣ утвердились въ томъ, чтобъ померетъ за православную вѣру, а королевича на царство не принять; а при томъ что и въ маломъ городкѣ Волокѣ Ламскомъ Россїяне защищались съ такою храбростїю, что никакъ взять его Поляки не могли, рассудилъ за лучшее оставить всѣ свои предпрїятїи, и удалиться поспѣшно

со всѣмъ войскомъ въ Польшу.

Сїе отступленїе Королевское причинило въ Москвѣ и во всей Россїи неизреченную радость. Весь народъ увѣрился тогда, что праведный Творецъ наказавшїй за грѣхи ихъ, умилосердился, наконецъ надъ Россїею, и принялъ ея паки въ Божеское свое покровительство, засвидѣтельствовавъ оное толь ощутительными чудотворенїями. Таковое увѣренїе о милости Божїей возвратило въ унывшїе духи ихъ прежнюю бодрость. Всѣ стремились въ радостномъ восторгѣ принесть торжественное благодаренїе Господу, избавившему ихъ отъ толь величайшихъ бѣдствїй.

По принесенїижъ усерднѣйшихъ молитвъ Господу обратились всѣхъ мысли и очи на виновниковъ радости ихъ, Князя Дми-

трїя Михайловича Пожарскаго и Козьму Минина. Они признавая ихъ за орудїе милости Божїей къ нимъ, изливали, такъ сказать, предъ ними сердца свои, живѣйшею благодарностїю преисполненныя, называли ихъ своими избавителями и спасителями, и въ засвидѣтельствованїе того всѣ государственныя чины согласно приговорили поднести Князю честь боярства, и великїя изъ казенныхъ волостей вотчины, и вручили ему на то жалованную грамоту, подписанную руками бояръ всего государства и знатнаго духовенства, которая потомъ и Царемъ Михайломъ Федоровичемъ утверждена.

Чтожъ касается до Козьмы Минина, то не видно, чтобъ ему при семъ случаѣ какое новое дано титло. Ибо въ грамотѣ Царя Ми-

хайла Өеодоровича имянованъ онъ тѣмъ только званїемъ, какое онъ до того еще имѣлъ, то есть выборнымъ человѣкомъ отъ всея земли; но какое же титло можетъ быть блистательнѣе сего? не превышаетъ ли оно всѣхъ титлъ, какими только ни были награждаемы когда либо заслуги великихъ людей? Однакожъ надобно мнить, что толикая къ заслугамъ его признательность отъ всея земли не могла оставить его безъ награжденїя; въ противномъ случаѣ не почелъ бы себя награжденнымъ и самъ Князь Пожарской, ежелибъ видѣлъ оставлена безъ награжденїя того, кто былъ виновникъ толь щастливо произведеннаго имъ плана избавленїя отечества, и которой раздѣлялъ съ нимъ всѣ труды и славу его. Въ протчемъ сей великїй человѣкъ почиталъ уже

себя и безъ того весьма награжденнымъ тѣмъ удовольствїемъ, которое чувствовалъ онъ, зря возлюбленное отечество свое паки возстановленнымъ, въ коемъ толь великое имѣлъ онъ участїе.

Потомъ происходило избранїе на Царство съ общаго согласїя всѣхъ Россїянъ Михайла Федоровича Романова, который по прибытїи изъ Костромы въ Москву за первую почелъ должность изъявить признательность всѣмъ оказавшимъ при взятьѣ Москвы свою ревность и безъ всякаго сомнѣнїя первые въ милости его имѣли участїе, Князь Пожарской и Козьма Мининъ: перваго пожаловалъ боярствомъ, и подтвердилъ все то награжденїе, которое предъ тѣмъ приговорили дать ему бояра; а другаго прїобщилъ въ думу свою, давъ ему достоинство думнаго дво-

рянина. Мы находимъ его въ семъ званїи въ спискѣ чиновъ, при семъ Государѣ бывшихъ еще и въ 1616 году, но съ сего года имени его уже нигдѣ не упоминается. (*)

(*) Въ продолженїи помянутаго списка послѣ имени его, въ томъ 1616 году постановленнаго, при началѣ каждаго слѣдующаго года, даже до 1634 стоятъ сїи слова: Бояре и Дворецкой, Окольничїе, Кравчїй, Казначей Дворянинъ въ Думѣ, Постельничей тѣжъ. И уже въ 1635 году стоитъ въ спискѣ имя Думнаго Дворянина Степана Матвѣевича Проестева; а по сему и казалось бы, что Козьма Миничь былъ при дворѣ въ семъ достоинствѣ одинъ до показаннаго года; но какъ при вступленїи на престолъ Царя Михайла Θеодоровича виденъ въ спискѣ Думной Дворянинъ Гаврило Григорьевичь Пушкинъ, которой

Сїе молчанїе заставляетЪ мнить, что онЪ отпросился у Государя вЪ свое отечество; ибо ежелибЪ онЪ вЪ службѢ скончался, тобЪ вЪ помянутомЪ спискѢ означено было, что онЪ умерЪ, такЪ какЪ означена смерть его предмѢстниковЪ Думныхъ же ДворянЪ Луговскаго, Грамотина и помянутаго Пушкина. Мнѣнїе сїе, что онЪ отпрасился у Государя на покой, тѢмЪ кажется вѢроятнѢе, что уже увѢнчаны были всѢ его желанїя со-

хотя такЪ же послѢ 1616 году до 1630 года не упоминается, но вЪ семЪ году паки онЪ вЪ спискѢ, вЪ томЪ же званїи является: то по сему и вѢроятнѢе кажется, подЪ глухимЪ словомЪ, Дворанина вЪ думѢ положить сего Пушкина, Г-же МиллерЪ и имянно полагаетЪ годЪ кончины г. Минина 1616.

вершеннымъ исполненїемъ оныхъ. Москва отъ Поляковъ и измѣнниковъ взята и очищена: мятежи, разногласїемъ мыслей терзавшїе отечество успокоены, и подобныя бѣдствїя отъ онаго на вѣки отвращены согласнымъ на престолъ возведенїемъ законнаго и всѣми любимаго Государя. Сей то былъ послѣднїй предѣлъ желанїямъ сего великаго человѣка. По окончанїи же великаго своего подвига по желанїю Государя жилъ онъ при дворѣ цѣлыя три года, а послѣ возчувствуя болѣзненныя припадки и желая наслаждаться въ тишинѣ удовольствїемъ совѣсти и сердца, удалился онъ въ Нижнїй Новгородъ, но симъ однако же удовольствїемъ не долго онъ наслаждался: ибо г. Миллеръ полагаетъ кончину его въ семъ же самомъ 1616 году (*)

*) Въ разсужденїи о Дворянствѣ.

но не можетъ ли краткость удовольствія нашего сугубо наградить и одна минута, преселяющая насъ въ вѣчность, когда сопровождается оная спокойствіемъ и удовольствіемъ совѣсти нашея?

Въ прочемъ былъ ли онъ награжденъ отъ Государя за пожертвованіе пользѣ отечества имѣніемъ своимъ, и за толикіе ироическіе подвиги, сего также невидно, кромѣ только учиненнаго ему денежнаго окладу по 200 рублей на годъ, превосходящаго окладъ старшаго сотоварища его Думнаго Дворянина Пушкина осмидесятью рублями; однакожъ взирая на признательность Монаршую къ его заслугамъ не можно и въ томъ сомнѣваться. Какая можетъ быть большая признательность, какъ повелѣть тѣло его прогребсти въ Нижегородскомъ соборномъ Преоб-

раженія Господня храмѣ, вмѣстѣ съ Нижегородскими владѣтельными Князьями и ихъ фамиліями? и имя его, такъ какъ и сына его Меѳодія Минина, въ томъ же храмѣ погребеннаго, на вселенскихъ панихидахъ обще съ помянутыми Князьями и понынѣ въ ономъ поминаются.

Признательность таковая къ заслугамъ сего великаго человѣка сохранялась всегда въ живѣйшей памяти. Императоръ Петръ Великій, высокославный внукъ Царя Михайла Ѳеодоровича, въ походѣ своемъ въ Персію слушавъ въ день своего рожденія 30 Маія, въ помянутомъ соборномъ храмѣ святую литургію, благоволилъ спросить, въ которомъ мѣстѣ церькви погребенъ Козьма Мининъ; и когда Его Величеству мѣсто оное показано, тогда сей Великій

Государь, знающій прямую цѣну заслугъ, поклонился мѣсту оному до земли, сказавъ: *На семъ мѣстѣ погребенъ свободитель и избавитель Россіи.* Что можно больше сего придать къ славѣ его? Истинна сего произшествія въ Нижнемъ Новѣгородѣ отъ отцовъ дѣтямъ преподается и понынѣ.

Мы находимъ сына его Мефодія въ свадебной Царя Михайла Федоровича церемоніи, но въ продолженіи службы его невидно. Въ 1669 году упоминается Стряпчей съ ключемъ Иванъ Кузминъ сынъ Кузминъ; но сынъ ли сей былъ его или другой фамиліи не извѣстно.

Заключенїе отъ Издателя сего описанїя.

Въ бытность мою въ прошедшемъ 1794 году въ Нижнемъ Новѣ городѣ, по порученной мнѣ коммисїи узналъ я что сей славный Мужъ Козьма Мининъ погребенъ въ тамошнемъ Соборѣ на лѣвой сторонѣ за первымъ столбомъ. Но воображая знаменитый его подвигъ прискорбно мнѣ было, что нѣтъ на томъ мѣстѣ ни памятника ни надписи, и потому разсудилъ возобновить сїю память слѣдующими стихами, кои напечатаны и поставлены надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ погребенъ.

На мѣстѣ томъ стоя, гдѣ Мининъ погребенъ,
Казалось будто я въ тѣ вѣки принесенъ,
Въ которые сей Мужъ усердьемъ воскрыленный,
Увидя пламенникъ, врагами воспаленный;
Сыновъ отечества, внимая скорбный стонъ;
Попранну вѣру зря, и Божескій законъ,
И самую Москву, носящу тяжки узы,
Разрушенну любовь, прерванныя союзы;
Воззря на тьму враговъ, ліющихъ Росску кровь,
Слезами грудь кропя, возчувствовалъ любовь;
И пламень искренній въ душѣ своей питая,
Изъ челюстей врага Россію свобождая,

Сокровище свое къ сему онъ посвятилъ,
Безсмертнымъ подвигомъ, всѣхъ спасъ и защитилъ.

Се здѣсь, я возопилъ! тотъ прахъ неоцѣненный,
Что былъ толикою любовью оживленный,
Кто спасъ отечество, Монарховъ Росскихъ Тронъ,
Кто вѣру подкрѣпилъ и божескій законъ;
Кто Россамъ показалъ къ безсмертїю дорогу,
Любить отечество, и жертвовать всѣмъ долгу.

Когда я подвигъ сей во мысли представлялъ,
Прославить я его сердечно возжелалъ;

Но сей безсмертный мужъ отечествомъ прославленъ,
И памятникъ ему въ сердцахъ уже поставленъ;
Великихъ Росскихъ дѣлъ преславостный пѣвецъ,
Неподражаемый соплелъ ему вѣнецъ.
Казанску сильну брань, Херасковъ возглашая,
Грядущи времяна Царю изображая,
Видѣньемъ нѣкакимъ въ восторгъ его привелъ,
И въ видѣ таковомъ Россїю Царь узрѣлъ:

„Се Тронъ колеблется хранимый многи вѣки,
„Москву наполнили Поляки, будто рѣки;
„Забвенны древнїя природныя Князья;
„Ты стонешь Іоаннъ! стеню и плачу я!

„Иноплеменники Москвою овладѣли . . .
„При семъ видѣніи небесны своды рдѣли;
„Опустошенныя являются поля,
„Кровавыя кусты, богровая земля;
„Растерзанны тѣла гробовъ не обрѣтаютъ,
„И птицы хищныя надъ ними вкругъ летаютъ,
„Отринула Москва отъ персей томныхъ чадъ.
„Къ Россійскимъ ратникамъ приходитъ блѣдный гладъ,
„Мечи изъ рукъ падутъ, душевны слабнутъ силы;
„Преобращаются вкругъ стѣнъ шатры въ могилы
„И гладъ бы пламенно геройство погасилъ;
„Когдабы Мининъ ихъ сердецъ не воскресилъ,
„Сей другъ отечества на бурю взоръ возводитъ;

„Беретъ сокровища, къ Пожарскому приходитъ;
„Богатство тлѣнъ и прахъ, но славно есть оно,
„Коль будетъ общему добру посвящено.
„Позналъ имѣнія такую Мининъ цѣну;
„Онъ злато изострилъ, дабы попрать измѣну;
„Россійской храбрости удерживаетъ вѣсъ,
„И се разитъ орла Россійской Геркулесъ!
„Какъ бурный вихрь Москву Пожарскій окружаетъ,
„Кидаетъ молніи, Поляковъ поражаетъ;
„Съ другой страны даритъ отечеству покой,
„Бросая громъ на нихъ Димитрій Трубецкой.

Се! подвигъ Минина, преславный, несравненный
Хераскова перомъ, мы зримъ изображенный!
Не слезы я теперь надъ прахомъ симъ лїю,
Но славою плѣнясь безсмертной, вопїю:
Почїй великїй мужъ! почїй къ тебѣ вѣщаю,
Ты другъ отечества! сердечно я желаю,
Да память дѣлъ твоихъ до толѣ не пройдетъ,
Пока земный сей шаръ, разрушася, падетъ.

Приближитесь сердца, не знающія лести!
Почтите Минина неоцѣненный прахъ!
Любя Отечество, внимая долгу, чести,
Онъ сребролюбія былъ въ свѣтѣ первый врагъ.
Стараясь подражать отличному примѣру,
Любите вы законъ, отечество и вѣру;
Да жертвуя сему войдете славы въ храмъ,
Гдѣ мзда нетлѣнная воздаст я вѣчно вамъ.

А вы, что блесками металловъ здѣсь плѣненны!
Внушите, что пѣвецъ безсмертный возгласилъ;

Онѣ честностью души и нрава восхищенны,
Вѣ поемѣ Россихѣ дѣлѣ слова сїи включилѣ:
„Кто вѣ злато влюбится; тотѣ славу позабудетѣ
„И тверже сердцемѣ онѣ металловѣ твердыхѣ будетѣ.

ВЪ Нижнемѣ Новѣгородѣ

1794 года Іюля 20 числа.

Сей памятникъ тогда же сообщенъ мною былъ Преосвященному Епископу Павлу, въ Нижегородскую Градскую думу, и въ тамошнее главное Народное Училище при слѣдующихъ отношенiяхъ.

ie *Къ Преосвященному.*

Болѣзненно сердцу моему было, что погребенной въ здѣшнемъ Каѳедральномъ соборѣ славный мужъ Козьма Мининъ, извѣстный вашему Преосвященству по историческимъ преданiямъ, своимъ подвигомъ, не имѣетъ ни надписи ни памятника. Стараясь изобразить въ слабыхъ стихахъ его великодушной поступокъ, смѣю себя ласкать, что Ваше Преосвященство удостоя благосклоннаго при-

нятія подносимыя при семЪ пятьдесятЪ ЭкземпляровЪ, соизволите приказать сей памятникЪ поставить близЪ того мѣста, гдѣ онЪ погребенЪ. СимЪ умножите истинное мое кЪ Вашему Преосвященству высокопочитаніе и совершенную преданность и проч.

2е *ВЪ Нижегородскую Градскую Думу.*

Славя здѣшнее общество сЪ таковымЪ гражданиномЪ, каковЪ былЪ безсмертный мужЪ Козьма МининЪ, старался я изобразить вЪ слабыхЪ стихахЪ его великій подвигЪ. Внося присемЪ вЪ оную Думу сто пятьдесятЪ ЭкземпляровЪ смѣю себя ласкать, что градское общество для сохраненія вЪ памяти сего великодушнаго кЪ спасе-

нїю отечества поступка, и для возбужденїя въ сердцахъ подобныхъ чувствованїй, за честь себѣ поставитъ, соорудить ему памятникъ, къ чему я первой споспѣшествовать истиннымъ щастїемъ себѣ поставляю.

3e *Въ Главное Народное Училище.*

Юныя сердца внимающїя ученїю, первымъ себѣ правиломъ должны поставлять любовь къ отечеству и преданность къ Монаршему престолу. Къ возбужденїю сихъ чувствованїй довольно имѣть въ памяти одинъ примѣръ здѣшняго гражданина и великаго мужа Козьмы Минина, спасшаго отечество своимъ подвигомъ. Я старался возобновить о немъ здѣсь

память въ слабыхъ стихахъ, которыхъ внося при семъ пятдесятъ Экземпляровъ, покорнѣйше прошу раздать оныя учащимся.

Duk N 12266 A 17
4